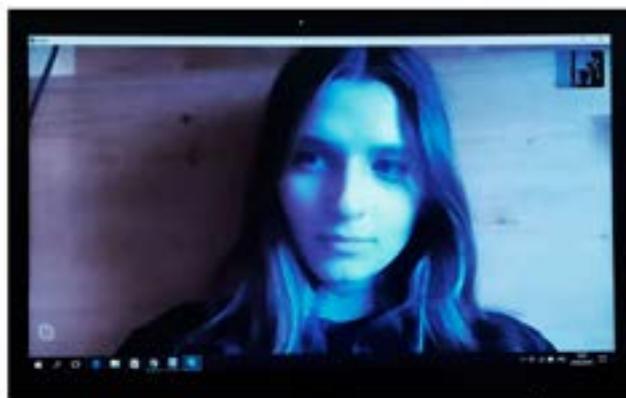

DOI 10.23683/2415-8852-2018-3-89-103

УДК 316

**МЕДИА ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ:
ПАРАНОЙЯ, КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ОБЩЕСТВО КОНТРОЛЯ**

Екатерина Сергеевна Кривальцевич
Европейский Гуманитарный Университет (Вильнюс, Литва)
e-mail: katsiaryna.kryvaltsevich@gmail.com

Аннотация. Опираясь на культурные исследования психиатрии, критическую теорию и теорию медиа, автор статьи выявляет паранойяльную логику в радикальных сценариях, используемых обывателями и интеллектуалами для интерпретации и надления смыслом вторжения современных технологий коммуникации в жизнь человека и общества. Речь идет об озадаченности, опасениях и обсуждениях, которые вызывают передатчики, встроенные в смартфон, видеомессенджеры, время от времени использующие камеру, и контекстная реклама в Facebook, подозрительно созвучная разговорам за ужином. А также – о практических мерах, принимаемых преследуемыми для защиты от вездесущих новых медиа: изъятых из телефонов батареях, заклеенных камерах на ноутбуках и т. д.

Для того чтобы превратить психиатрический диагноз в инструмент культурного исследователя медиа, автор выявляет ключевые эпизоды в изобретении паранойи, описывает ее как дискурсивный оператор бреда, обращает внимание на историческое своеобразие содержания бреда и его культурное опосредование, которое описывается не только постмодернистскими клиническими психологами, но и проступает в классической систематике Крепелина, где одна разновидность бреда отличается от другой фабулой. Из этой перспективы паранойя рассматривается как специфический способ организации опыта и культурный сценарий, имеющий конкретно-историческую специфику.

Форматирующее присутствие паранойи автор обнаруживает не только в практиках современного медиапотребления, но и в устройстве базовых аналитических моделей, используемых для описания всеподнадзорности и вторжения электронных технологий коммуникации в частную жизнь. Фуко из этой перспективы оказывается тем, кто нормализует паранойяльный импульс, закладывая его в основание субъектности модерна типа, а Оруэлл – тем, кто указывает через паранойяльность на патологии тоталитарного общества.

Ключевые слова: медиа, подозрительность, паранойя, критическая психиатрия, культурная технология, общество контроля, (анти)утопия.

Отвечая на «[вопрос насчет паранойи](#)» (15.08.2018) в одном из самых больших сообществ социальной сети «ВКонтакте», 14138 человек подтвердили, что заклеивают веб-камеру на своих девайсах, опасаясь ее шпионского, неподконтрольного функционирования. На просторах русскоязычного Facebook то и дело попадаются посты, авторы которых опасаются вторжения мобильных устройств и встроенных в них алгоритмов в свою частную жизнь: Facebook «следит», «подслушивает», «записывает», «[знает](#)» о желаниях, нуждах, старых знакомых, случайных мыслях пользователя. Защищаясь, электронные аборигены отключают доступ приложений к камере, микрофону, геолокации; а то и вынимают батареи из устройств.

Упоминание паранойи в августовском интернет-опросе, посвященном способам обращения с гаджетами, весьма симптоматично: публикации и дискуссии на тему электронного вмешательства редко обходятся без этого слова. В своем стремлении поделиться тревогами и опасениями пользователи социальных сетей и владельцы смартфонов с помощью психиатрического концепта ставят житейский диагноз себе, другим и эпохе. Даже тот, кто обладает общим представлением о работе алгоритмов, используемых в таргетировании интернет-рекламы, стремится «как-то защититься от этого», проявляя «[первичный инстинкт самосохранения](#)».

При ближайшем рассмотрении «первичность» этого инстинкта оказывается высокотехнологичной и хорошо сконструированной: страх возникает на пересечении расхожих представлений о тотальном техно-био-политическом проекте по сбору больших данных, пугающей интерактивности электронных устройств и подозрения, вырастающего из непонимания того, как все это устроено. Автор убеждена в том, что электронное подозрение подчиняется культурным логикам, дискурсивное устройство которых она постарается здесь очертить.

Психиатрическая генеалогия и систематика подозрительности

Как и сама психиатрия, паранойя – социальное изобретение модерной эпохи, вытеснившей на обочину социальных миров все, что препятствует торжеству регулярности и рациональности [Фуко 1997]. Например, бред. В психиатрический дискурс паранойя вошла в первой половине XIX в. в качестве родового имени для бредовых расстройств – душевных болезней, не подходящих в своих проявлениях под описание меланхолии и мании, тогда ставших классикой, а сейчас – исключенных из психиатрического словаря [Dowbiggin]. Первым, кто обратил всеобщее внимание на паранойю, определив ее как «расстройство мышления, при котором наблюдается до-

минирование нездоровых и непоправимых идей», был Карл Кальбаум (цит. по [Lothane: 281–282]).

Фуко показывает, что в ранних психиатрических классификациях положение бреда было неустойчивым: он воспринимался как причина ментальных болезней, как одна из болезней рассудка / духа, характеризовался «кровоизлиянием в мозг, слабоумием, меланхолией, демономанией и манией», приравнивался к «идеальным умственным заболеваниям» [Фуко 1997: 202–204]. Когда речь шла об «идеальности», имели в виду не соответствие душевной болезни эталону, а наличие в сознании пациента одной, а то и нескольких навязчивых идей «сверхценных образований». Говоря о сверхценности в психиатрическом смысле, имели в виду степень одержимости идеей или концепцией.

К XX в. паранойя заняла видное место в клинике и теории психиатрии. На закрепление этого диагноза повлияли работы Эмиля Крепелина, в трактовке которого паранойя была «первичным помешательством». Имелось в виду, что создание бредовых систем «миросозерцания» осуществляется без дополнительных расстройств эмоциональной или социальной жизни. Крепелин разбирает истории болезни людей, анализируя культурно и социально специфичные сценарии бреда: в его работах можно встретить жертв шпионажа, масон-

ского заговора, преследования богатой девишкой из Квито [Крепелин: 199–210].

Немецкий психиатр не только превратил паранойю в диагноз, но и стал одним из первых, кто предложил ее классификацию на основе фабулы бреда. Он различал бред преследования, величия, греховности (совмещающая его с меланхолией), описал индуцированный бред (разделяемый с ближними) и т. д. Это разделение бредовых состояний сохранилось до нашего дня. Однако именно бред преследования получил дополнительные спецификации, в которых без труда можно различить след социального устройства.

Бред сутяжничества был диагностирован у пациента, непрерывно обращающегося в газеты с жалобами на нарушение его прав и попрание справедливости. Карательная психиатрия, направленная в СССР против диссидентов, диагностировала у тех, кто сопротивлялся режиму, бред реформаторства – наличия у пациента плана по изменению мира, коммунистического, прежде всего. Мишенью и центром притяжения сверхценных идей с ослабленной референцией становились имущество (бред ущерба), события, которым придается особое (странное, путающее) значение (бред толкования), зацикленные на «большом» окружающие люди и предметы (бред отношения), телесное воздействие (включая электрическое, гипнотическое, половое воздействие, осуществляемое с целью навредить пациенту) [Психиатрия...].

К социальной типологии бреда Крепелина в 1913 г. К. Ясперс добавил феноменологическое различие первичного и вторичного бреда [Ясперс]. Если первичный бред (или бредоподобные идеи) может быть осмыслен в связи с актуальным опытом пациента и вписан в него¹, то вторичный бред (собственно бредовые идеи) не поддается «психологической редукции», утверждая себя в качестве окончательной, герметичной и самодостаточной реальности. Ясперс настаивает на том, что такой бред – это не «поломки» мышления, для пациента он и есть реальность, преломляемая сквозь призму культуры.

Психологическая достоверность в сочетании с онтологической невозможностью бреда сближает его с базовой культурной формой организации и переживания невозможности – утопией.

Паранойя как рассказ

Считается, что это Крепелин повлиял на взгляды швейцарца Энгена Блейлера: отец шизофрении решил, что высокий интеллект параноиков позволяет им «почувствовать конфликт, вытеснить его и создать вместо него сложную бредовую систему, оправдыва-

ющую параноика перед самим собой и другими людьми» [Блейлер: 80]. Иными словами, паранойя не просто питается знаниями и представлениями о мире и человеке, но и неотделима от них.

Пример тому – случай немецкого судьи Шребера, ставший хрестоматийным. На основе мемуаров он был истолкован и введен в психоаналитический обиход З. Фрейдом. Судья ощущал себя в женском теле, испытывал гомосексуальные желания, объявлял себя пророком, контактирующим с богом и способным предвидеть «неотвратимую близость катастрофы». На эту широту диапазона обратили внимание основатели психоанализа Ж. Делёз и Ф. Гваттари:

«В своих превращениях и интенсивных переходах Шребер становится воспитанником иезуитов, бургомистром города, в котором немцы сражаются со славянами, девочкой, которая защищает Эльзас от французов, наконец, он преодолевает арийский градиент или порог, чтобы стать монгольским князем» [Делёз, Гваттари].

Широкая культурно-историческая осведомленность судьи обеспечила материал для усложнения системы его бреда.

¹ Ясперс полагает, что он «проистекает из предшествовавших аффектов, из потрясений, унижений, из переживаний, пробуждающих чувство вины, и других сходных переживаний, из обманов восприятий и ощущений, из опыта отчуждения воспринимаемого мира в состоянии измененного сознания и т. п.» [Ясперс: 133].

Нарративные социологи, антропологи, психологи утверждают, что человек является рассказчиком историй. Параноик – это человек, рассказывающий особые истории. Было бы преувеличением утверждать, что эту позицию разделяет официальная психиатрия. Однако сам факт того, что основанием классификации бреда по Крепелину является фабула, заставляет исследователя, работающего с культурными кодами психиатрии, присмотреться к нарративным формам опосредования / организации опыта тотальной подозрительности. Одним из первых к повествовательным аспектам бреда обратился Ясперс. Он отметил, что нарратив, оформляющий бредовую концепцию параноика, отличает разрыв отношений со временем, исключительная способность улавливать неуловимое настоящее и населять его могущественными силами, которые во всю пытаются навредить человеку и обществу [Ясперс: 144].

Однако наиболее развернутую характеристику параноийальному или катаклизмическому нарративу дал клинический психолог Э. Кин, работающий с постмодернистской эпистемологией [Keen]. Характеризуя нарративный универсум с помощью структуралистских протонарративов Н. Фрая, обозначившего четыре базовые мифические повествовательные структуры, которые свойственны человеческому мышлению (романтическая, комическая, ироническая и траги-

ческая), Кин идентифицирует параноидное повествование с трагедией и описывает его устройство безотносительно к рассказам и опытам отдельных пациентов.

В этом повествовании нет места будущему, добро и зло разделены в своем радикальном противостоянии, а сам рассказчик переживает трагическую, драматичную или печальную отчужденность от социума, испытывая чувство одиночества и обнаруживая тотальное непонимание со стороны Другого. Называя такой способ организации текста «катаклизмическим», Кин тем самым подчеркивает разрушительные для социальных и логических связей свойства параноийального нарратива: «В истории нет никакой искупительной социальной ценности; ее не запомнят; страдания впустую; потеря абсолютна» [Keen: 179]. В нарративе бреда повествовательный синтаксис перестает работать: все события происходят одновременно и сводятся в одной точке – частном или всеобщем «конце света», о котором владелец бреда стремится оповестить человечество, например, на просторах всемирной Сети:

«Большинство людей уже давно зомбированы компьютерами, так что, когда придет время карт и чипов, многие добровольно оденут цепь на шею. ЛЮДИ СОПРОТИВЛЯЙТЕСЬ!».

Следствием клинической поэтики параноии становится осмысление бредовых

повествовательных форм в качестве культурных технологий организации сложного, напряженного, конфликтного опыта пребывания под подозрением. Эти формы могут использоваться для упорядочивания и надления смыслом не только индивидуального, но и коллективного опыта, открывая доступ к исследованию сообществ бреда и паранойяльных обществ.

Медиа и / как паранойя: выдержки из анамнеза

Автора этой статьи занимает, в какой степени активное внедрение электронных средств коммуникации делает современное общество паранойяльным и поддерживает формирование локальных сообществ бреда. При этом она, будучи исследовательницей медиа, осознает принципиальную неоригинальность ситуации, сложившейся в наши дни. Со времен вступления человечества в эпоху современности ее выраженная технологическая доминанта была и продолжает оставаться источником вызовов, тревог и напряжений, отражаясь с завидной регулярностью в зеркалах подозрительности. Насколько известно, бред воздействия технологий и медиа не выделялся специалистами в отдельную единицу психиатрической классификации, однако задолго до Facebook и смартфонов электричество, азбука Морзе, телефон, радио, телевидение опознавались пациентами отечественных и зарубежных

психиатров в качестве источников угрозы, включались в катаклизмические нарративы и записывались врачами. Психиатрический анамнез – документация истории болезни пациента – был и остается одним из основных источников таких историй.

Информация об отношениях пациента и медиа – первых опытах чтения и книжных пристрастиях («читать научился к шести годам», «в 5 лет уже бегло читала», «читал необыкновенно толстые книги о Достоевском, биографию Пушкина», «в армии стал читать много религиозной литературы», «в детском и подростковом возрасте предпочитала произведения Гайдара, Сент-Экзюпери, Булычева, Стругацких, в настоящее время читает в основном приключенческо-романтическую литературу»), интересе к радио («в свободное время слушает радио “Шансон”»), компьютеру («увлекается рок-музыкой и компьютером», «интересовался компьютером, играми в “Денди”») и Интернету («общался с другими подростками при помощи Интернета») – вносится в анамнез не менее аккуратно, чем перенесенные заболевания, конфликты, драматические события и переживания [Клинические разборы: 166, 211–212, 233, 270, 333]. Тем самым, в процессе селективного пересказа жизни пациента врач связывает практики медиапотребления с ментальным статусом.

Изучив «Клинические разборы в психиатрической практике» под редакцией про-

фессора А.Г. Гофмана¹, автор выделила несколько паранойяльных фабул, которые разворачиваются вокруг работы могущественных технических устройств и их фатального воздействия на рассказчика. Главные герои анамнезов демонстрируют гипертрофированное – часто созвучное с идеями теоретиков медиа М. Маклюэна и Ф. Киттлера – предчувствие неразрывной связи новых технологий и ментального устройства, доказывая возможности безграничного и разрушительного расширения человека с помощью медиа: «Однажды [в 1941 г.] подошла к телеграфному столбу, и ей вдруг показалось, что ее мысли по проводам доходили до дочери» [там же: 283]. Они проявляют обостренную чувствительность к вторжению медиа в жизнь и повседневность отдельно взятого человека: «Услышав телефонный звонок, начинала плакать, появлялась тревога, беспокойство, страх, все окружающее раздражало» [там же]. Переживают и описывают расширение присутствия Другого в терминах медиа вторжения, стирающего границы пространств и тел: «Позднее слышала его [мужа соседки – главного врага] разговоры за стеной, по телефону» и «по блокноту», объясняла, что «... по телефону узнают ее мысли» [там же]). Еще

до появления видеосвязи и интерактивного телевидения пациенты демонстрировали не то архаическую, не то футурологическую готовность к взаимодействию с неинтерактивными медиа: «Сначала думала, что это какие-то хулиганы над ней насмеются, подключившись к радио или телевизору»; «голоса с телеэкрана, а также при включенном радиоприемнике комментировали все, что она делает, например, приказывали ей выйти из комнаты и сидеть на кухне» [там же: 149]. По мере появления портативных и интерактивных устройств возможности для производства жизнеспособных историй о вторжении подслушивающих, подглядывающих, записывающих сил в частную жизнь расширились: «Говорил, что в больнице установлен магнитофон»; «А с ноября 2000 г. ей стало казаться, что в квартире соседнего дома включена кинокамера, которая следит за ней, снимает абсолютно все, что она делает в квартире» [там же].

В одних историях через технологию действуют невидимые или видимые (не)знакомые лица или группы лиц. В других – технология отчуждается, становясь экраном антропологических проекций. Она проявляет «склонность к имитации» человеческого

¹ Это учебное пособие для (будущих) психиатров, опубликованное в виде сборника записей клинико-психопатологических бесед с больными, сопровождающихся клиническими разборами каждого случая несколькими врачами. Материалы позволяют окунуться в атмосферу психиатрических семинаров в России 1990–2000-х гг. Тема медиа так или иначе (как составляющая анамнеза или направление обсуждения на консилиумах) затрагивается в доброй половине разбираемых случаев.

поведения или чувств, попытается обмануть или обхитрить человека, установить над ним контроль [Tausk]. Приписать технологии способность к (воз)действию – дублируя в открытии агентности Латура и его последователей – подозрительному гражданину из анамнеза оказывается тем проще, чем выше его непонимание принципов устройства и механизмов работы медиа.

Иногда в катаклизмических нарративах речь идет не о конкретных средствах коммуникации, а об использовании медиа в качестве модели для работы воображения или метафоры субъективного опыта, который герой психиатрического анамнеза стремится передать окружающим:

«В последнее время стал представлять себе образно, как в кино, картину, как он убивает или бьет кого-то <...> Все происходящее он фотографирует глазами <...> Стала слышать голоса внутри головы, как будто наушники вставили <...> голос был необычный, какой-то металлический, как будто говорили через микрофон» [Клинические разборы...: 374].

Здесь технологии фигурируют уже не в качестве враждебных захватчиков жизненного мира человека, а в качестве пазлов техносциального конструктора для сборки интеллигентной – как бы странно это ни звучало применительно к бреду – версии социальной реальности.

Примечательной оказывается сама демонстрация чувствительности и рефлексия в отношении конкретно-исторической фактуры момента:

«Постоянно слышит голоса, которые доносятся, как она предполагает, из какого-то центра, может быть, из научной лаборатории. Уверяет, что причиной этому является не «черная магия», а, скорее всего, «электроника» [там же: 97].

Смещение центра сил и контроля за причинами с полюса «черной магии» к инстанциям «лаборатории» и «электроники» выглядит исчерпывающей характеристикой современности – эпохи, когда технологии, преобразующие жизнь человека и общества, оказываются под политическим, антропологическим и клиническим подозрением.

Паранойальное общество

Если в психиатрических анамнезах технологии вторгаются в жизнь отдельного пациента, иногда, впрочем, озабоченного судьбами человечества, то в интернете индивидуальные подозрения по части работы медиа распределяются, распространяются и охотно разделяются с френдами и другими участниками ситуативных сетей и эфемерных сообществ. Ирвинг Дженис, продолжая традицию критического изучения психологии толп, описывает работу таких сообществ в терминах «группового мышления»

(“groupthink”) и его атрибутов («иллюзии неязвимости» (безоговорочной веры в успех предприятия), «веры в моральную безупречность действий группы», «коллективной рационализации», «иллюзии единогласия» и пр.) [Janis: 235–246]. А значит, последний пункт из клинической поэтики Кина, постулирующий одиночество параноика, в цифровых средах может быть скорректирован и пересмотрен.

Базовым сценарием консолидации подозрительных граждан становится теория заговора или конспирология, переводимая на психиатрический язык в терминах персекуторной паранойи. И если Н. Холм скептически относится к этому клиническому переводу [Holm: 44], то Д. Харпер, вооруженный позиционной теорией Р. Харре, стирает разграничение паранойи и конспирологии, но тут же вводит другую дихотомию: позиционировать себя или других в качестве параноиков [Harper]. Несмотря на то, а, может, благодаря тому, что конспирология навязывает своим адептам целостную картину мира без противоречий, неточностей или вопросов без ответа, она одновременно создает ощущение правильности избранных взглядов своих сторонников и отпугивает всех остальных [Billig: 107–121]. «Жидома-

соны» и «рептилоиды», которые тайно вершат судьбы мира и посягают на его моральный порядок, инопланетяне, похищающие землян, и спецслужбы, которые держат все на контроле, – действующие лица конспирологических вселенных [Bruder et al.].

Быть конспирологами во Всемирной сети еще проще, чем за ее пределами. Сетевые конспирологи Рунета выбирают, гибридируя, психотронику и апокалипсис, противопоставляют демонам, спецслужбам и алгоритмам, которые персонифицируются и наделяются способностью к пагубному действию:

«А вот мы ходим с мобильниками. Там тоже эти чипы! Кто знает возможно ли нанести печать от смартфона. Мы все время тыкаем и проводим, и проводим там пальцем»¹.

«УБИРАЙТЕСЬ ПОСКОРЕЕ С ЭТОГО ЗОМБИ-РЕСУРСА, КОТОРЫЙ ПРИНАДЛЕЖИТ САТАНИСТАМ ИЗ СПЕЦСЛУЖБЫ!»².

«Естественно интернет это не от Бога, а от сатаны. Самый первый и самый мощный компьютер называется ЗВЕРЬ. Но а в апокалипсисе часто про зверя упоминают»³.

«Пользоваться электроникой нельзя, это правда. Если дома есть телевизор, радио или телефоны, холодильник, даже если все выключено из розеток, когда воцарится антихрист начнется такое!!»⁴.

¹ Обсуждение в социальной сети «ВКонтакте».

² Обсуждение в социальной сети «ВКонтакте».

³ Обсуждение в социальной сети «ВКонтакте».

⁴ Обсуждение в социальной сети «ВКонтакте».

Для сторонников культурной и критической психиатрии бредовые системы параноийальных обществ – это попытка объяснить актуальные реалии в условиях дефицита власти и влияния. Харпер в психиатрическом ключе виктимизирует меньшинства, полагая, что это они в наибольшей степени склонны к конспирологии [Harper: 7]. Д. Уолкер в своих «Соединенных Штатах паранойи», напротив, опознает конспирологию, а вместе с ней «параноидный стиль» в качестве составляющей американской политической мифологии с мормонами, иллюминатами, сатанистами [Walker: 3]. Системы тоталитарного и авторитарного типа – нацистская Германия и сталинский СССР, поствоенная ГДР, современная Россия и коммунистический Китай – с присущей им шпиономанией, эскалацией бдительности, стратегиями выживания во враждебном окружении и поисками «врагов народа» превращают паранойю в модель конструирования социальной реальности. Впрочем, массовая обеспокоенность наших современников достигла впечатляющего размаха, породив новые превентивные практики (вплоть до выключения гаджетов и заклеивания камер пластырем) и даже правовые нормы (такие как введение GDPR – регламента по защите персональных данных в эпоху их глобального распространения).

Критика или прививка подозрительности

В своей болезненной чувствительности к антропологической стороне расширения технологий параноики предлагают клиническую версию теории медиа. Готовность видеть в хитрой антенне или коварном телеприемнике деятельных «нечеловеков» сближает подозрительных индивидов и с носителями магического мышления, и со сторонниками акторно-сетевой теории. А проблематизация тотального надзора и настойчивого вторжения власти в частные миры превращает их в стихийных союзников всех, кто критикует дисциплинарное общество и его более радикальную – технократическую – версию, то есть общество контроля. В некотором роде параноик, интенсифицирующий силой своей подозрительности незримый, но действенный контроль, – это и есть идеальный паноптический субъект. Фуко писал:

«Основная цель паноптикума – привести заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти» [Фуко 1999: 133].

Надзор не обязательно должен быть постоянным, важно создать инфраструктуру и субъективное ощущение, подозрение, что за тобой могут наблюдать из башни. А значит, паноптикум подчиняется и подчиняет

паранойяльной оптике-логике, а его превращение в модель дисциплинарного общества нормализует паранойю.

Если Фуко конституирует паранойяльность общества современного типа, то Оруэлл ее деконструирует. В «1984» он вскрывает паранойяльную архитектуру тоталитарного общества, указывая на патологию гипертрофированного надзора. Оруэлловский мир не просто форматирует коллективное воображение через образы и продукты массовой культуры, возвращается к “fake news” и «постправде», но и реализуется через технологическую, а не суггестивную или политико-психологическую непрерывность электронного контроля. Делёз называет такой контроль новым «монстром», указывая на его непрерывность, изменчивость и вездесущность, от которых не скрыться. Сегодня он осуществляется не из центральной башни и даже не через камеры наружного наблюдения, а посредством Big Data. Рабочей единицей здесь становятся код, шифр, цифра, обезличивающие и персонализирующие одновременно [Делёз]. Ответ на новые формы контроля – новая подозрительность. А вы заклеили камеру на смартфоне?

Литература

Блейлер, Э. Аффективность, внушение, паранойя. М.: ВИНТИ, 2001.

Делёз, Ж. Переговоры. 1972–1990 / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004.

Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина, науч. ред. В. Кузнецов. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

Клинические разборы в психиатрической практике. Под ред. проф. А.Г. Гофмана. 4-е изд., доп. М.: МЕДпресс-информ, 2015.

Крепелин, Э. Введение в психиатрическую клинику / Пер. с нем. 3-е изд. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009.

Психиатрия: Национальное руководство. Под ред. Т.Б. Дмитриевой, В.Н. Краснова, Н.Г. Незнанова, В.Я. Семке, А.С. Тиганова. М.: ГЭОТАР- Медиа, 2012

Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. Стаф под ред. В. Гайдамака. СПб.: Университетская книга, 1997.

Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999.

Ясперс, К. Общая психопатология / Пер. Л.О. Акопян. М.: Практика, 1997.

Billig, M. (1991). *Ideology and opinions: studies in rhetorical psychology*. London: Sage, 107–121.

Bruder, M. et al. (2013). Measuring individual differences in generic beliefs in conspiracy theories across cultures: conspiracy mentality questionnaire. *Frontiers in Psychology*, 4:225. doi: 10.3389/fpsyg.2013.00225.

Dowbiggin, I. (2000). Delusional diagnosis? The history of paranoia as a disease concept in the modern era. *History of Psychiatry*, 11(41), 37–69.

Harper, D. (2008). The politics of paranoia: paranoid positioning and conspiratorial narratives in the surveillance society. *Surveillance & Society*, 5(1), 1–32.

Holm, N. (2009). Conspiracy theorizing surveillance: considering modalities of paranoia and conspiracy in surveillance studies. *Surveillance & Society*, 7(1), 36–48.

Janis, I. (1991). Groupthink. In E. Griffin (Ed.) *A first look at communication theory*. New York: McGrawHill, 235–246.

Keen, E. (1986). Paranoia and cataclysmic narratives. *Narrative psychology: the storied nature of human conduct*. New York: Praeger, 174–190.

Lothane, Z. (1992). In *defence of Schreber: soul murder and psychiatry*. Hillsdale: The Analytic Press.

Tausk, V. (1933). On the origin of the influencing machine in schizophrenia. *Psychoanalytic Quarterly*, 1992, 2, 519–556.

Walker, J. (2013). *The United States of paranoia: a conspiracy theory*. N. Y.: Harper Collins.

References

Bleyler, E. (2001). *Affektivnost, vnusheniye, paranoya* [Affectivity, suggestibility, paranoia]. Moscow: VINITI.

Deleuze, G. (2004). *Pourparlers. 1972-1990*. (V.Yu. Bystrov, Trans). Saint Petersburg: Nauka.

Deleuze, G., & Guattari, F. (2007). *Capitalisme et schizophrénie. L'Anti-Œdipe* (D. Kralachkin, Trans). Yekaterinburg: U-Factoria.

Dmitrieva, T., Krasnov, V., & Neznanov, N. (Eds.). (2012). *Psikhiatriya. Natsional'noe rukovodstvo*. [Psychiatry. National guidelines.]. Moscow: GEOTAR-Media

Foucault, M. (1997). *Folie et Déraison: Histoire de la Folie à l'âge Classique* (I. Staf, Trans.). Saint Petersburg: Universitetskaia kniga.

Foucault, M. (1999). *Surveiller et punir: Naissance de la Prison* (V. Naumov, Trans.). Moscow: Ad Marginem

Jaspers, K. (1997). *Allgemeine Psychopathologie* (L. O. Akopian, Trans). Moscow: Praktika.

Gofman, A.G. (Ed.). (2015) *Klinicheskiye razbory v psikiatricheskoy praktike*. [Clinical analyses in psychiatric practice] (4th Ed.). Moscow: MEDpress-inform.

Kraepelin, E. (2009). *Vvedeniye v psikiatricheskuyu kliniku* [Clinical psychiatry: a textbook for students and physicians]. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy.

Billig, M. (1991). *Ideology and opinions: studies in rhetorical psychology*. London: Sage, 107–121.

Bruder, M. et al. (2013). Measuring individual differences in generic beliefs in conspiracy theories across cultures: conspiracy mentality questionnaire. *Frontiers in Psychology*, 4:225. doi: 10.3389/fpsyg.2013.00225.

Dowbiggin, I. (2000). Delusional diagnosis? The history of paranoia as a disease concept in the modern era. *History of Psychiatry*, 11(41), 37–69.

Harper, D. (2008). The politics of paranoia: paranoid positioning and conspiratorial narratives in the surveillance society. *Surveillance & Society*, 5(1), 1–32.

Holm, N. (2009). Conspiracy theorizing Surveillance: considering modalities of paranoia and conspiracy in surveillance studies. *Surveillance & Society*, 7(1), 36–48.

Janis, I. (1991). Groupthink. In E. Griffin (Ed.) *A first look at communication theory*. New York: McGrawHill, 235–246.

Keen, E. (1986). Paranoia and cataclysmic narratives. *Narrative psychology: the storied nature of human conduct*. New York: Praeger, 174–190.

Lothane, Z. (1992). In defence of Schreber: soul murder and psychiatry. Hillsdale: The Analytic Press.

Tausk, V. (1933). On the origin of the influencing machine in schizophrenia. *Psychoanalytic Quarterly*, 1992, 2, 519–556.

Walker, J. (2013). *The United States of paranoia: a conspiracy theory*. N. Y.: Harper Collins.

**MEDIA UNDER SUSPICION:
PARANOIA, CRITICAL THEORY AND THE SOCIETY OF CONTROL**

Katsiaryna S. Kryvaltsevich, European Humanities University, Vilnius, Lithuania; -mail: kryvaltsevich.katsiaryna.15@student.ehu.lt.

Abstract. Basing on cultural studies of psychiatry, critical theory and media theory, the author reveals the paranoid logic in radical scripts used by ordinary people and intellectuals to interpret and give meaning to the invasion of new media in both private and social life. She discusses the perplexity, fears and discussions caused by transmitters built into smartphone and video messengers, occasionally using the camera, as well as contextual advertising on Facebook, suspiciously consonant with conversations at dinner. She also considers the practical actions taken by the persecuted to protect themselves against the ubiquitous new media: batteries removed from phones, sealed cameras on laptops, etc.

Turning psychiatric diagnosis into a tool for cultural media studies, the author reveals the key episodes in the invention of paranoia, describes it as a discursive operator of delirium, draws attention to the historical content of delirium and its cultural mediation, which is not only described by postmodern clinical psychologists, but also appears in the classical systematics of Krepelin, where one kind of delirium differs from another by its plot. From this perspective, paranoia is seen as a specific way for constructing experience and a cultural technology with its historical specificity.

The author discovers the presence of paranoia not only in the actual practices of media consumption, but also in the analytical models of surveillance and new media intrusion into private life. From this perspective Foucault turns out to be the one who normalizes the paranoid impulse, laying it in the foundation of the subjectivity of the modern type, and Orwell – the one who through paranoia indicates the pathology of totalitarian society.

Key words: media, suspicion, paranoia, critical psychiatry, cultural technology, society of control, (anti)utopia.

